

## ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

Въ лѣто 6745. Въ фторое на десят лѣто по принесении чю, дотворнаго образа Николина ис Корсуня. Прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вой татарскими, и ста на рѣце на Воронеже близ Резанския земли. И присла на Резань к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы бездѣльны, просяща десятины въ всем: во князех и во всяких

## **ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ**

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа Николина из Корсуни. Пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских, и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингоровичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, и во всяких

людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингорович Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и вскоре посла въ град Владимир к благовѣрному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимерской сам не пошел и на помощь не послал, хотя особе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингорович Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георгія Всеволодовича Владимерскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоровича Муромскаго, и по князя Глѣба Ингоровича Коломенскаго, и по князя Олга Краснаго, и по Слеваладе Проньскаго, и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечестиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федоръ Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосердъ, приа дары, охачися лестию не воевати Резанския земли. И яряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе. И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у себе княгиню от царьска рода, и лѣпотоутѣлом красна бѣ зело. Царь Батый лукав есть и немилостивъ в невѣрии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княже, вѣдети жены твоей красоту». Благовѣрный князь Федор Юрьевич Резанской и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам християном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный царь Батый возяряся и огорчися, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ повреци зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побилъ.

И единъ от пѣстун князя Федора Юрьевича укрыся, именем Апоница, зря на блаженсе тѣло честнаго своего господина горко плачущися, и видя его ни ким брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно сохрани его. И ускори к благовѣрной княгине Еупраксѣе, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовѣрнаго князя Федора Юрьевича.

Благовѣрная княгиня Еупраксѣа стоаше в превысоком храме своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыя смертноносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего

людях, и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингорович Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингоровичем Муромским, и за князем Глебом Ингоровичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю. Но хвалился-грозился повоевать всю Русскую землю. И стал просить у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что есть у князя Федора Юрьевича Рязанского княгиня из царского рода и что всех прекраснее она красотой телесною. Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

Но один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апопица, уцелел и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина; и увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии, и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в пре-высоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она эти смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего

с сыном своим со князем Иваномъ на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоровичъ убиение возлюбленнаго сына своего блаженнаго князя Федора, инѣхъ князей, нарочитыхъ людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакаться, и с великою княгинею, и со прочими княгинями, и з братаю. И плакашеся весь град на многъ час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоровичъ, видя братию свою и боляръ своих и воеводе храбрыи мужественны ѣздяше, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, боже. И от востающих на нь избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок». И рече братии своей: «О господия и братиа моа, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, наперед вас изопью чашу смертную за святыа божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича». И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успения. И плакася много пред образом пречистыа богородици и великому чюдотворцу Николе и сродником своим Борису и Глѣбу. И дав последнее целование великой княгини Агреппѣне Ростилавне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть сѣча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый, и видяше, что господство резаньское крѣпко и мужественно бѣяшеся, и возбояся. Да противу гнѣву божію хто постоит! А Батыеве бо в силе велице и тяжце, един бѣяшеся с тысящей, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоровича, и воскричаша: «О братие моя милая! князь Давидъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И преседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно. Многя сильныя полки Батыевы проеждяа, храбро и мужественно бѣяшеся, яко всѣм полком татарьскимъ подивитися крѣпко в мужеству резанскому господству. И едва одолѣша их сильныя полки татарскыа. Ту убиен бысть благовѣрный князь велики Георгій Ингоровичъ, брата его князь Давидъ Ингоровичъ Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингоровичъ Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныа и воеводы крѣпкыа, и воинство: удалцы и резвецы резанскія. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возвратися вспять: вси вкупе мервтии лежаша. Сиа бо наведе богъ грех ради наших.

с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингорович об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, блаженного князя Федора, и других князей и что перебито много лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать войнство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингорович братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и мужественно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших. И от поднимающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия, если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли?! Лучше нам смертью жизнь вечную добыть, нежели во власти поганных быть. Вот я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы. И плакал много перед образом пречистой богородицы, и молился великому чудотворцу Николе и сродникам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошли против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских. И напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий, что убит брат его, князь Давыд Ингорович, и воскликнул: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно. Через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского войнства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий Ингорович, брат его князь Давыд Ингорович Муромский, брат его князь Глеб Ингорович Коломенский, брат их Всеволод Пронский, и многие князья местные, и воеводы крепкие, и войнство: удальцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Все это навел бог грехов ради наших.

А князя Олга Ингоровича яша еле жива суца. Царь же, видя свои полкы мнозии падоша, и нача велми скръбѣти и ужасатися, видя своея силы татарскыя множество побѣеных. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сѣчи, и жещи без милости. И град Прѣнескъ, и град Бѣл, и Ижеславецъ розари до основаниа, и всѣ люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река сильная, грѣх ради нашихъ.

Царь Батый и видя князя Олга Ингоровича велми красна и храбра, и изнемогаючи от великих ран, и хотя его изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингорович укори царя Батыа, и нарек его безбожна, и врага христьянска. Окаяный Батый идоху огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга ножи на части роздробити. Сий бо есть вторый страстоположник Стефан, приа венець своего страданна от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную своею братею ровно.

Царь Баты окаанный нача воевати Резанскую землю, а поидоша ко граду к Резани. И обступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гражане непремѣно бѣашеся. И многих гражан побиша, а инѣх уязвиша, а инии от великих тродов изнемогша. А въ шестый день рано придоша погани ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а инѣи со тмочисленными лѣствицами, и взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь соборную пресвятыа Богородици, и великую княгиню Агрепѣну мать великаго князя, и с снохами и с прочими княгинями мечи исекоша, а епископа и священический чин огню предаша, во святѣй церкви пожгоша, а инѣи мнози от оружия падоша. А во граде многих людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И иных в рѣцѣ потопиша, и ерѣи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черньниговское поима-ша. А храмы божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачуща — и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради нашихъ.

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови христьянска, и возярися зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимиръ, и желая Рускую землю попленити, и вѣру христьянскую искоренити, и церкви божии и до основаниа разорити.

И нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоровичем, и

А князя Олега Ингоревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река обильная, грехов ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингоревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тяжких ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингоревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю, и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие с пороками, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в двадцать первый день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, и иные многие от оружия пали. И в городе многих людей, и жен, и детей мечами посекли. А других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников их — князей киевских и черниговских — захватили. И храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось в городе ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на город Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингоревичем, и

услыша приход зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую, грады разорены, церкви пожены, люди побѣены. И пригна во град Резань и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побѣены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своя и распалаяся въ сердца своем. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человекъ, которыхъ богъ соблюде быша внѣ града. И погнаша во след безбожнаго царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапно нападоша на станы Батыевы. И начаша сѣчи без милости, и сметоша яко всѣ полки татарскыя. Татарове же стаха, яко пьяны, или неистовы. Еупатию тако их бѣяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емя татарскыя мечи и сѣчаша их. Татарове мняша, яко мертви востаха. Еупатий сильныя полки татарскыя проеждя, бѣяше их нещадно. И ездя по полком татарскимъ храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воинскихъ, изнемогших от великихъ ран. И приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры христіанскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебѣ силна царя почтити и честна проводить, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивися отвѣту ихъ мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Еупатия, а с ним сильныя полки татарскыя. Хостовруль же похвалися предъ царемъ, хотя Еупатия жива предъ царя привести. И ступишася сильныя полки татарскыя, хотя Еупатия жива яти. Хостовруль же съехася съ Еупатиемъ. Еупатей же исполинъ силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша сѣчи силу татарскую, и многихъ тут нарочитыхъ багатырей Батыевыхъ побил, овихъ на полы пресекоша, а иныхъ до седла краяше. Татарове возбояшеся, видя Еупатия крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороковъ, и нача бити по немъ ис тмочисленныхъ пороковъ, и едва убиша его. И принесоша тѣло его предъ царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многихъ земляхъ, на многихъ бранехъ бывали, а такихъ удалцовъ и резвецовъ не видали, ни отци наши возвестиша намъ. Сии бо люди крылатыи, и не имюще смерти: тако крѣпко и мужественно ездя, бѣяшеся единъ съ тысящею, а два со тмою. Ни единъ отъ нихъ можетъ съехати живъ с

услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался в город Рязань, и увидел город разоренный, государей убитых и множество народа полеглаго: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог сохранил вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устранился.

И едва поймали татары из полка Евпатыева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю. Царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, слуги великого князя Юрия Ингоревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингоревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу — рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула напополам до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество пороков, и стали бить по нему из бесчисленных пороков, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями, и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали они царю: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удалцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно, на конях разъезжая, бьются — один с тысячею, а два — со тьмою. Ни один из них не съедет живым с

побоища». Царь Батый и зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие! Гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полки падоша. Аще бы у меня такой служилъ, — держал бых его против сердца своего». И даша тѣло Еупатево его дружинѣ останочной, которые пойманы на побоище. И веля их царь Батый отпустить, ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богѣмъ соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя ея пусту, и услыша, что братья его всѣ побиты от нечестиваго законопреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а мать свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разоренъ, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричаниа, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертвъ. И едва отльеяша его и носяша по вѣтру. И едва отдохну душа его в нем.

Кто бо не возплачетца толикаа погибели, или хто не возрыдает о селище народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения.

Князь Ингварь Ингоревич, разбирая трупиа мертвых, и наиде тѣло матери своей великия княгини Агренены Ростиславны, и позна снохи своя, и призва попы из веси, которых богъ соблюде, и погребе мать свою, и снохи своа плачем великим во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочиа трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собращася мало людей, и даша имъ мало утешения. И плачася безпрестано, поминая мать свою и братию свою, и род свой, и все узорочье резанское — вскоре погибе. Сиа бо вся наиде грѣх ради наших. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти — токмо дым и пепел, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град плененъ бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣниа, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингоревич поиде и гдѣ побѣни быша братья его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингоревич Резанской, брат его князь Давидъ Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичъ и многиа князи мѣсныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвецы, узорочие резанское.

побойща». И сказал царь Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня, — держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых захватили в битве. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингорович был в то время в Чернигове, у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разоренным, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, город разорен и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингорович великую последнюю гибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как сладкий орган звучащий. И от великого того крика и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой гибели, кто не возрыдает о стольких людях народа православного, кто не пожалеет стольких убитых великих государей, кто не застонет от такого пленения?

Разбирая трупы убитых, князь Ингварь Ингорович нашел тело матери своей, великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил мать свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных: сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и немного утешил их. И плакал беспрестанно, поминая мать свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым и пепел; и церкви все погорели, а великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот город пленен был, но и иные многие. Не стало в городе ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрерывный.

И пошел князь Ингварь Ингорович туда, где побиты были нечестивым царем Батыем братья его: великий князь Юрий Ингорович Рязанский, брат его князь Давыд Ингорович, брат его Всеволод Ингорович, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье рязанское.

Лежаша на земли пусте, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингорович велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перси свои руками биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко потокъ, течаше и жалосно вещающи: «О милая моя братья и господие! како успе животе мои драгии! Меня единого оставиша в толице погибели. Про что аз прежде вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мнѣ — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене брата своего, от единого отца роженанаго, и единыи утробы честнаго плода матери нашей — великии княгини Агрепѣны Ростиславне, и единым сосцом воздоенных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте, звѣзды восточныи, почто рано зашли есте! Лежите на земли пусте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Гдѣ господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлѣнии. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свѣте мои драгии, чему помрачилися есте? Не много нарадовахся с вами! Аще услышит богъ молитву вашу, то помолитесь о мнѣ, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы приидоша ми, а за утѣху и радость сетование и скръбь яви ми ся! Почто аз не прежде вас умрох, да бых не видѣл смерти вашей, а своя погибели. Не слышите ли бѣдных моих словес жалосно вещающа? О земля, о земля, о дубравы поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погипе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмевает, крѣпость изнемогает».

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыхания, и страха, и трепета от всѣх злых, находящих на ны. Великий князь Ингварь Ингорович воздѣ руцѣ на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всѣх гонящих избави мя. Пречиста владычице богородице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моя. Великии страстотерпцы и сродники наши Борис и Глѣбъ, буди мнѣ помощники, грешному, во бранех. О братие моя и господие,

Лежали они все на земле опустошенной, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их растерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингоревич великое множество мертвых тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками, и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные? Меня одного оставили в такой гибели! Почему не умер я раньше вас? И куда скрылись вы из очей моих, и куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои незрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему, государи мои, не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее, месяц мой красный! скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где сила ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюсь с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей гибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! о дубравы! Поплачьте со мною! Как опишу и как назову день тот, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удалцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех напастей, нашедших на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингоревич, и воззвал со слезами, говоря: «Господи боже мой, на тебя уповал, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая владычица, мать Христа, бога нашего, не оставь меня в годину печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство,

помогайте мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода».

Князь Ингваръ Ингоревич начаша разбирати трупие мертвыхъ, и взя тѣло брати свое, и великаго князя Георгия Ингоревича, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глѣба Ингоревича Коломенского, и инехъ князей мѣсныхъ — своихъ сродниковъ, и многихъ бояръ, и воевод, и ближнихъ знаемыхъ, принесе ихъ во градъ Резань, и похраняше ихъ честно, а инехъ тутъ на мѣсте на пусте собираше и надгробное пѣша. И похраняше князь Ингваръ Ингоревич, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовѣрнаго и христілюбиваго князя Олга Ингоревича и несоша его во градъ Резань, а честную его главу самъ князь велики Ингваръ Ингоревич и до града понеси, и целова ю любезно, положиша его съ великимъ княземъ Юрьемъ Ингоревичемъ во единой раце. А братію свою князя Давида Ингоревича, да князя Глѣба Ингоревича положиша у него близъ гроба ихъ во единой рацѣ. Поиде же князь Ингваръ Ингоревичъ на реку на Воронеж, иде убиен бысть князь Федоръ Юрьевичъ Резанской, и взя честное тѣло его, и плакася надъ нимъ на долгъ час. И принесе во область его къ великому чюдотворцу Николае Корсунскому, и его благовѣрную княгиню Еупраксѣю, и сына ихъ князя Ивана Федоровича Посника во единомъ мѣстѣ. И поставиша надъ ними кресты камены. И отъ сея вины да зовется великій чюдотворецъ Николае Заразскій, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣа и съ сыномъ своимъ княземъ Иваномъ сама себе зарази.

\* \* \*

Сии бо государи рода Владимера Святославича — сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговскаго. Бяше родомъ христілюбивыи, братолубивыи, лицомъ красны, очима светлы, взоромъ грозны, паче мѣры храбры, сердцемъ легкы, къ бояромъ ласковы, къ приеждимъ привѣтливы, къ церквамъ прилѣжны, на пированье тщывы, до осподарскихъ потехъ охочи, ратному дѣлу велми искусны, къ братіе своей и ко ихъ посолникомъ величавы. Мужествен умъ имѣяше, въ правде-истинѣ пребывае, чистоту душевную и телесную безъ порока соблюдае. Святаго корени отрасли, и богомъ насажденнаго сада цвѣты прекрасныи. Воспитани быша въ благочестіи во всяцемъ наказаніи духовнемъ. Отъ самыхъ пеленъ бога возлюбили. О церквахъ божіихъ велми печашеся, пустошныхъ бесѣдъ не творяще, срамныхъ человекъ отвращашеся, а со благыми всегда бѣсѣдовае, божественныхъ писаниихъ всегода во умиленіи послушаше. Ратнымъ во бранехъ страшена ивляшеся, многія враги, востающіи на нихъ,

помогите мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и внуков рода Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингоревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингоревича, и князя Давыда Ингоревича Муромского, и князя Глеба Ингоревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингоревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингоревича, и повелел нести их во град Рязань, а честную главу его сам князь великий Ингварь Ингоревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингоревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингоревича да князя Глеба Ингоревича, положил в одном гробу близ могилы тех. Потом пошел князь Ингварь Ингоревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского, и похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «зарáзила» (разбила).

\* \* \*

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок бога возлюбили. О церквах божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, с добрыми только беседовали, и божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них,

побежаша, и во всех странах славна имя имяща. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у нихъ многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряючи своего спасения. В чистой совести, и крѣпости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдаящи тѣло свое по браце греху непричасна. Государьскій сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на рамя своем носяща. И честь и славу от всего мира приимаста, а святыя дни святого поста честно храняста, а по вся святыя посты причащастася святых пречистыхъ бессмертныхъ таин. И многи труды и побѣды по правой вѣре показаста. А с погаными половцы часто бѣяшася за святыя церкви и православную вѣру. А отчину свою от супостатъ велми безлѣности храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от невѣрныхъ царей, детей ихъ и братью к собѣ приимаста, и на вѣру истинную обращаста.

Благовѣрный во святомъ крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра. И бысть радость христіяномъ, ихъ же избави богъ рукою своею крѣпкою отъ безбожнаго зловѣрнаго царя Батты. А кир Михайло Всеволодовича Пронскаго посади на отца его отчине,

побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своей многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингоревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингоря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.